

А. Н. Гребенкин

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВОЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

*Работа представлена кафедрой истории России
Орловского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор С. Т. Минаков

В статье предпринимается попытка дать обобщенный социокультурный портрет преподавателей военных учебных заведений Российской империи в первой половине XIX в. Автор характеризует уровень образования преподавателей, особенности их служебной карьеры, материальную обеспеченность и манеру поведения. В статье делается вывод о том, что социокультурный облик преподавательского состава напрямую зависел от правительственной политики в области образования.

Ключевые слова: *преподаватель, социокультурный облик, военно-учебное заведение.*

**SOCIOCULTURAL PORTRAIT OF MILITARY SCHOOL TEACHERS
IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY**

The article presents a generalised social and cultural portrait of military school teachers in the Russian Empire in the first half of the 19th century. The author characterises teachers' educational level, peculiarities of their career, well-being and manner of their behaviour. The author comes to the conclusion that teachers' social and cultural image was directly determined by the governmental policy in the sphere of education.

Key words: teacher, sociocultural image, military school.

Первое десятилетие царствования Александра I для преподавательского корпуса военных учебных заведений стало переходным периодом. С одной стороны, в начале XIX в. продолжалась карьера учителей, помнивших традиции Просвещения, которые господствовали в кадетских корпусах в конце XVIII в., и не собиравшихся отказываться от старых идеалов. С другой стороны, немаловажным было влияние мероприятий Павла I, направленных на милитаризацию кадетских корпусов и изгнание из них духа гуманизма и энциклопедизма.

В Первом кадетском корпусе в 1803 г. был очень велик процент преподавателей, начавших службу в последней трети XVIII в., когда к выбору учителей подходили очень строго, следя за тем, чтобы они «имели все качества нужные сему званию, чтоб они могли во всем собою подавать пример учащимся и вливать в них чувства чести, непорочности и любви к отечеству» [5, л. 7]. Как правило, это были превосходно образованные, умудренные опытом люди, заслуженные профессора: статский советник Н. И. Фусс, академик высшей математики, ранее служивший адъюнктом в Академии наук; статский советник Вольфганг Крафт – академик экспериментальной физики; надворный советник Ф. И. Кнапп, выпускник университета при Академии наук и Академии художеств, преподававший в корпусе с 1776 г. [15, л. 2 об.–8 об.]

В целом для Первого кадетского корпуса и в начале XIX в. была характерна вы-

сокая квалификация учителей. В 1803 г. там работало 28 учителей и 13 учительских помощников, причем все имели классные чины. Среди них было 2 статских советника (Н. И. Фусс и В. Крафт), 6 надворных советников, 6 коллежских асессоров, 13 титулярных советников и капитанов и всего 1 губернский секретарь. Из 13 учительских помощников 11 имели чин 12-го класса и всего 2 – низший чин коллежского регистратора [15]. Высок был и образовательный ценз преподавателей. Двое из них ранее были адъюнктами Академии наук; семеро окончили Академию художеств, трое – Первый кадетский корпус, пятеро – мещанское отделение (гимназию) при Первом кадетском корпусе, двое – корпус Чужестранных единоверцев, один – Артиллерийский и инженерный шляхетный корпус, один – духовную семинарию. У семи преподавателей образовательный ценз не указан; но все они, за исключением коллежского асессора 63-летнего П. А. Черкасова, были выходцами из Франции и Германии, преподавали свой родной язык.

К 1810–1811 гг. преподавательский состав значительно изменился. Университетские профессора неохотно шли в холодную атмосферу «кадетских монастырей», где не было места наукам и музам. Так, в 1810 г. из вновь определенных в Первый кадетский корпус учителей лишь М. Е. Резанов обладал высоким научным авторитетом – выпускник Харьковского колледжума и Санкт-Петербургской учительской гимназии, он состоял в Санкт-Петербургском педагогическом ин-

ституте в должности профессора чистой и прикладной математики и имел награды за переводы учебных руководств [16, л. 23 об.]. Прочие вновь поступившие в учителя лица были выпускниками Первого же кадетского корпуса и не обладали надлежащей педагогической подготовкой и практическим опытом преподавания. При этом старые преподаватели увольнялись один за другим.

Падение образовательного уровня учителей сопровождалось ухудшением их материального положения. Положение офицеров было более-менее сносным. Капитан П. П. Черкасов, преподававший в Первом кадетском корпусе фортификацию и артиллерию, в 1810 г. получал 600 рублей в год и за отличную службу в том же году был удостоен увеличения годового жалованья на треть [16, л. 12]. Штатскому же учителю жалованье выплачивалось в сумме от 222 до 375 рублей в год, в зависимости от преподаваемого им предмета и класса, в котором он преподавал, причем русские учителя получали в 2–3 раза меньше, чем иностранцы [1, с. 53].

В начале XIX в. штат преподавателей и в военных, и в гражданских учебных заведениях часто совпадал (преподаватели совмещали работу в нескольких местах из-за небольшого жалованья). Это относилось и к профессорам. Например, по сведениям на 1812 г. по Пажескому корпусу, большинство преподавателей работало в разных военно-учебных заведениях: «Учитель Василий Стуковский служит в Морском корпусе, откуда получает жалованье 400 рублей, учитель Козьма Горбунов служит в Морском корпусе, откуда получает жалованья 700 рублей. Профессор математики, коллежский асессор Матвей Резанов служит, кроме Пажеского корпуса, в Педагогическом институте, получая там жалованья по 600 р. в год, учитель Иван Горянов служит в армейской семинарии, откуда получает жалованье 300 рублей» [2, с. 87].

Бедность учителей, их низкий социальный статус не позволяли им завоевать авторитет в глазах воспитанников. Часто наставники будущих офицеров приходили на заня-

тия бедно одетыми, в поношенной одежде и стоптанных сапогах. Н. В. Вохин, выпускник Второго кадетского корпуса, учившийся в нем в 1801–1807 гг., вспоминал, что учителя нижних классов были «люди добрые и знающие», но некоторые из них настолько бедны, что «дозволяли кадетам наполнять пустые учительские карманы кусками хлеба, мяса, каши и масла в бумажках» [7, с. 549, 550]. Насмешки со стороны воспитанников, приниженное положение перед лицом начальства – все это отнюдь не вызывало уважения к педагогам и способствовало распространению пренебрежительного отношения к учебе.

После Отечественной войны 1812 г. играничных походов русской армии произошло почти двойное увеличение числа подразделений русской армии, что потребовало соответствующего пополнения армии офицерами и привело к значительному расширению системы кадетских корпусов [3, с. 128].

В этих условиях было обращено пристальное внимание на порядок пополнения педагогических кадров как в новых заведениях, так и в ранее существовавших. Если в предыдущий период наблюдалось некоторое падение образовательного уровня преподавателей, то в 1813–1836 гг. ситуация постепенно улучшилась. Столичные корпуса имели возможность даже приглашать на работу известных специалистов. Так, в Первом кадетском корпусе математику и физику в 1826–1831 гг. преподавал талантливый молодой математик В. Я. Буняковский, получивший в 1825 г. докторскую степень в Сорбонне и впоследствии ставший академиком, а историю в 1825–1833 гг. – автор нескольких учебников Н. К. Шульгин [11, с. 401]. Однако на все кадетские корпуса, особенно провинциальные, образованных преподавателей не хватало. В то же время в полном соответствии с желанием Николая I «подтянуть» военно-учебные заведения возросла доля учителей из армейских офицеров, людей в большинстве своем невежественных и грубых.

В 1831 г. в Первом кадетском корпусе служили 21 учитель и 2 учительских помощника [13]. Как и в начале века, большая часть учителей находилась в чинах IX, VIII и VII классов по Табели о рангах (соответственно 4, 1 и 10 человек). Статский советник был один, коллежский советник – также один. Учительские помощники имели низший чин коллежского регистратора. Большинство преподавателей было старше 50 лет, и даже учительские помощники были не моложе 30 лет. Дворян среди учителей было лишь два человека; в основном они были выходцами из дворянской среды или сыновьями младших офицеров и мелких чиновников.

Налицо резкое изменение образовательного ценза учителей. Если в начале века лидировали выпускники Академии художеств и гимназии при Первом кадетском корпусе, то в 1831 г. на первое место выдвинулся Главный педагогический институт (он существовал в Петербурге с 1804 г.) – его выпускниками были 4 учителя. Мещанское отделение при Первом кадетском корпусе сохранило свои позиции (также 4 выпускника). Кроме того, среди учителей оказались выпускники Дерптского университета, Горного кадетского корпуса, Санкт-Петербургской гимназии, Академии художеств и отделения военных кантонистов при Первом кадетском корпусе. Любопытно, что бывших кадет Первого кадетского корпуса среди учителей не было; все оставленные в корпусе выпускники служили не на учительских должностях.

Как и прежде, среди тех, кто не имел специального образования, преобладали выходцы из Франции и Германии – учителя иностранных языков И. И. Лемсон, А. Ф. фон Штейн, К. П. Фулон, Д. К. Сеже, П. Ф. Руссель, А. В. Динокур, В. П. Розенкранц. Некоторые учителя были из числа пленных французов (например, титулярный советник К. П. Фулон) [13, л. 13 об.].

Материальное положение педагогов (особенно тех, кто не имел офицерского чина) по-прежнему оставалось тяжелым.

В 1814 г. во Втором кадетском корпусе учителям платили: «надворному советнику Дмитриеву за обучение кадет... по-русски читать из 450 р. и добавочных за долговременную и беспорочную службу из 200 р., всего 650 р. в год; коллежскому регистратору Шишмареву за обучение кадет по-русски читать из 200 р. в год; подполковнику Ефимову за обучение кадет артиллерии из 650 р. и геометрии из 650 р. в год; титулярному советнику Шулепову за обучение вышней математике из 600 р. в год» [6, прил. VIII].

Бывший воспитанник Второго кадетского корпуса, обучавшийся в нем в 1822–1832 гг., вспоминал: «...был у нас учитель немецкого языка, Гр...н, вероятно, человек очень бедный, ибо приходил в класс одетый крайне неопрятно: иногда с разорванными локтями, а иногда в сапогах, из которых выглядывали пальцы... Были и такие учителя, которые собирали с кадет дань медными пуговицами, говоря, что это годится на самовар, или булками, которые, нимало не конфузясь, увязывали в платки» [4, с. 150, 151]. В Военно-сиротском доме «учитель арифметики Иноземский, тогда уже дряхлый, беззубый старик, ...постоянно старался разжалобить кадет своей бедностью, и кадеты собирали ему сальные огарки и куски хлеба, а Иноземский все брал, всякое даяние для него было благо» [9, с. 122, 123].

В таких условиях кадетские корпуса оказались наводнены разного рода случайными людьми, не обладавшими специальными познаниями и не имевшими ни малейшей склонности к преподавательской деятельности. Доходило до курьезов: когда в 1826 г. руководство Морского кадетского корпуса, решив избавиться от великовозрастных воспитанников, не желавших учиться и творивших безобразия, перевело их в Дворянский полк, то «большая часть их них сделаны были там учителями» [10, с. 526].

Разумеется, руководство не могло не знать истинного положения вещей. В 1835 г. начальником штаба его высочества по управлению военно-учебными заведениями стал

Я. И. Ростовцев, который всеми мерами пытался улучшить преподавательский состав. Уже осенью 1835 г. стали заметны первые итоги усилий: «...учителя ожили; много дурных учителей заменено новыми лучшими» [8, с. 348].

В Первом кадетском корпусе в 1836 г. преподавало 20 учителей. Из них в чине статского советника состояло 2 человека, коллежского советника – 2, коллежского асессора – 2, титулярного советника – 4, коллежского секретаря – 2, губернского секретаря – 2, коллежского регистратора – 3, не имели чина – 2 преподавателя. У одного преподавателя чин не был указан [14].

Как и в начале 1830-х гг., преподавателями в основном были люди средних лет (30–40-летних было 9 человек, 40–50-летних – 6). Самым молодым был 26-летний историк Шульгин.

Социальный состав по-прежнему был пестр. За 5 лет увеличилась доля выходцев из унтер-офицерских и солдатских детей, выслужившихся из военных кантонистов, – таковых в 1836 г. было 6 человек. Остальные были иностранцами, выходцами из духовной среды или иностранцами.

Из 20 преподавателей 7 были выпускниками высших учебных заведений. В то же время 3 преподавателя из кантонистов и практически все иностранцы не имели никакого образования.

Стремление привлечь на службу в кадетские корпуса лучшие педагогические кадры и обеспечить им высокую социальную защиту привело к принятию в 1836 г. нового «Положения о службе по учебной части при военно-учебных заведениях сухопутного ведомства» [12].

Новое «Положение» покончило с неопределенностью статуса корпусных учителей: отныне они были приравнены к государственным чиновникам. Кроме того, было обращено должное внимание на принципы отбора преподавателей, на их обеспечение жалованьем и пенсиями. Эти меры оказались весьма действенными: в конце 30-х – 40-е гг.

XIX в., и особенно в предреформенное время, среди корпусных учителей было немало лиц с университетским образованием.

В 1836 г. в Первый кадетский корпус на должность учителя всеобщей истории поступил 20-летний кандидат Санкт-Петербургского университета В. П. Макин; уже через три года он за отличную службу был награжден 1500 р. ассигнациями [14, л. 57 об.].

Коллегой Макина был кандидат того же университета В. П. Шульгин, титулярный советник, преподававший в Первом кадетском корпусе всеобщую и российскую историю [14, л. 59, 59 об.]. В 1838 г. за успехи в обучении кадетов он был пожалован 800 р.

С 1835 по 1864 г. российскую словесность воспитанникам Первого кадетского корпуса преподавал литератор и критик В. Т. Плаксин, выпускник Санкт-Петербургского университета, к тому времени ставший известным благодаря своим «Краткому курсу словесности», увидевшему свет в 1832 г., и «Руководству к познанию истории литературы», напечатанному годом позже.

Хорошим подбором преподавателей отличалась и элитная Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Среди них было немало университетских профессоров: химик Воскресенский, статистик Ивановский. Русскую словесность преподавали талантливый литератор Комаров и друг Гоголя Прокопович, военные науки и математику – штаб-офицеры Генерального штаба Кузьминский и Карцов, а также будущий инженер-генерал А. З. Теляковский. Когда в Школе была введена иппология, то преподавать ее пригласили лучшего специалиста, будущего академика А. Ф. Миддендорфа [17, с. 151, 152].

Таким образом, к середине XIX в. в результате повышения статуса преподавателей военных учебных заведений их квалификация заметно возросла, и качество преподавания повысилось. Малая зарплата приглашаемых учителей, приниженное положение педагога, иерархия русских и иностранных преподавателей – все эти негативные явления

остались в прошлом. Разумеется, далеко не всем кадетским корпусам удалось сразу перестроить систему преподавания, однако наиболее одиозные учителя (малообразованные кантонисты, пьяницы, бурбонистые «секунды») были изгнаны из всех военных учебных заведений. Их заменили люди, благодаря которым через несколько лет милютинские военные гимназии будут признаны лучшими средними учебными заведениями России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов Н. И. Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа. М., Учпедгиз, 1958. 244 с.
2. Аурова Н. Н. Система военного образования в России: кадетские корпуса во второй половине XVIII – первой половине XIX века. М., 2003. 276 с.
3. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., Центрполиграф, 2003. 414 с.
4. Воспоминания бывшего воспитанника 2-го кадетского корпуса // Военный сборник. 1861. № 7. С. 141–164.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 660. Оп. 2. Д. 1073. Исторический обзор регламентации воспитания и обучения в наших военно-учебных заведениях от основания первых военных школ до последнего времени, составленный генералом Лалаевым.
6. Жервэ Н. П., Строев В. Н. Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. 1712–1912: в 2 т. СПб., тип. Тренке и Фюсно, 1912. Т. 1. 464 с.
7. Записки генерал-майора Н. В. Вохина // Русская старина. 1891. № 3. С. 547–566.
8. К истории военно-учебной реформы императора Александра II. 1856–1870 // Русская старина. 1887. № 5. С. 345–366.
9. Кадетский быт двадцатых-тридцатых годов. 1826–1834 гг. (отрывок из воспоминаний генерал-лейтенанта В. Д. Кренке) // Исторический вестник. 1882. № 4. С. 110–126.
10. Митурич П. В. Морской кадетский корпус в 1823–1828 гг.: Из воспоминаний генерал-майора Петра Васильевича Митурича // Исторический вестник. 1888. № 9. С. 507–543.
11. ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XI. 9229.
12. Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 314. Оп. 1. Д. 187: Формулярный список о службе учителей 1-го кадетского корпуса. Октября 22 дня 1831 года.
13. РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 191: О службе учителей 1-го кадетского корпуса. 1836 г.
14. РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 4104: Послужные списки офицерского звания чинам. 1803 г.
15. РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 4325: Об определении и увольнении офицеров и учителей из корпуса и о прочем. 1810 г.
16. Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары П. П. Семенова-Тянь-Шанского. Т. 1: Детство и юность (1827–1855). Пг., 1917. 322 с.

REFERENCES

1. Alpatov N. I. Uchebno-vospitatel'naya rabota v dorevolyuetsionnoy shkole internatnogo tipa. M., Uchpedgiz, 1958. 244 s.
2. Aurova N. N. Sistema voyennogo obrazovaniya v Rossii: kadetskiye korpusa vo vtoroy polovine XVIII – pervoy polovine XIX veka. M., 2003. 276 s.
3. Volkov S. V. Russkiy ofitserskiy korpus. M., Tsentrpoligraf, 2003. 414 s.
4. Vospominaniya byvshego vospitannika 2-go kadetskogo korpusa // Voyenny sbornik. 1861. N 7. S. 141–164.
5. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). F. 660. Op. 2. D. 1073. Istoricheskiy obzor reglamentatsii vospitaniya i obucheniya v nashikh voyenno-uchebnykh zavedeniyakh ot osnovaniya pervykh voyennykh shkol do poslednego vremeni, sostavlenny generalom Lalayevym.
6. Zherve N. P., Stroyev V. N. Istoricheskiy ocherk 2-go kadetskogo korpusa. 1712–1912: v 2 t. SPb., tip. Trenke i Fyusno, 1912. T. 1. 464 s.
7. Zapiski general-mayora N.V. Vokhina // Russkaya starina. 1891. N 3. S. 547–566.
8. K istorii voyenno-uchebnoy reformy imperatora Aleksandra II. 1856–1870 // Russkaya starina. 1887. N 5. S. 345–366.
9. Kadetskiy byt dvadtsatykh-tridtsatykh godov. 1826–1834 gg. (otryvok iz vospominaniy general-leytenanta V. D. Krenke) // Istoricheskiy vestnik. 1882. N 4. S. 110–126.

ИСТОРИЯ

10. *Miturich P. V.* Morskoy kadetskiy korpus v 1823–1828 gg.: Iz vospominaniy general-mayora Petra Vasil'yevicha Mituricha // *Istoricheskiy vestnik*. 1888. N 9. S. 507–543.

11. PSZRI. *Sobr.* 2-e. T. XI. 9229.

12. Rossiyskiy gosudarstvenny voyenno-istoricheskiy arkhiv (daleye RGVIA). F. 314. Op. 1. D. 187: Formulyarny spisok o sluzhbe uchiteley 1-go kadetskogo korpusa. Oktyabrya 22 dnya 1831 goda.

13. RGVIA. F. 314. Op. 1. D. 191: O sluzhbe uchiteley 1-go kadetskogo korpusa. 1836 g.

14. RGVIA. F. 314. Op. 1. D. 4104: Posluzhnye spiski ofitserского звaniya chinam. 1803 g.

15. RGVIA. F. 314. Op. 1. D. 4325: Ob opredelenii i uvol'nenii ofitserov i uchiteley iz korpusa i o prochem. 1810 g.

16. *Semyonov-Tyan-Shansky P. P.* *Memuary P. P. Semenova-Tyan-Shanskogo*. T. 1: *Detstvo i yunost'* (1827–1855). Pg., 1917. 322 s.